

7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
8. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 184 с.
9. Крапотина Т.Г. Русская фразеологическая модель мира (ключевые концепты) // Образ России: извне и изнутри. – Калуга: Изд-во «Эйдос» (ИП Кошелев А.В.), 2008. – С. 137–146
10. Кузнецов В.Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 38–45.
11. Ланская О.В. Концепт ЛЮБОВЬ в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 74–77.
12. Масленикова Е.М. Когнитивно-дискурсивный характер межкультурной коммуникации: вводные замечания // Вестник Тверского государственного университета. – 2009. – № 7. – Сер. «Филология». – Вып. 1 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 41–48.
13. Рожкова О.Е. Метафорическое представление концептов ВОЙНА и ТЕРРОРИЗМ в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 72–74.
14. Романова Т.В. Содержание и экспликация традиционных национальных концептов в языке молодежи // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №1. – С. 43–52.
15. Салашник Т.В. Концепты ЗИМА и ВЕСНА в национальном сознании носителей русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 35–40.
16. Серова И.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1. – С. 15–22.
17. Скорнякова Р.М. Принципы моделирования языковой картины мира. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. – 400 с.
18. Тахтарова С.С. Концепт TOLERANZ в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 64–71.
19. Харченко В.К., Хорошко Е.Ю. Язык и жанр русского романа: Монография. – М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2005. – 167 с.
20. Янова О.Б. Динамика концепта ПАТРИОТИЗМ в немецкой лингвокультуре // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: Мат-лы международн. конф., посвященной 60-летию юбилею факультета иностранных языков, 5–6 октября 2006 г. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. – С. 386–393.

С.И. Меньшикова

КОНЦЕПТЫ «ДОБРО» И «ЗЛО»
В СТРУКТУРЕ МЕТАКОНЦЕПТА «НРАВСТВЕННОСТЬ»

Известно, что исследование концепта как многомерного явления в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистического знания не исчерпывается только теми направлениями и школами (Воронежская – З.Д.

Попова, И.А. Стернин; Краснодарская – С.Г. Воркачев; Волгоградская – В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин; Кемеровская – М.В. Пименова), которые существуют в современной концептологии. Расхождения в определении концепта и методов его анализа связаны, прежде всего, с тем, что он рассматривается как объект исследования двух направлений: лингвокогнитивного и лингвокультурного.

Лингвокогнитивная модель указывает на полевую структуру, в которой ядерные и периферийные сферы в зависимости от направления различаются степенью абстрактности. Чем дальше от центра, тем степень абстрактности больше. Кроме того, ядерные и периферийные элементы обладают подвижностью и могут перемещаться в зависимости от изменений, происходящих в картине мира. Лингвокультурная модель строится несколько иначе. В структуре концепта выделяются понятийный, образный, ценностный (значимостный) компоненты, причем ценностный компонент является центром лингвокультурного концепта, и в этом принципиальное его отличие от когнитивного концепта. Общим для двух направлений является признание концепта ментальным образованием.

С точки зрения когнитивного подхода, концепт определяется как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному предмету или явлению» [5: 34]. В лингвокультурологическом аспекте концепт представляет собой ментальное образование с внутренней семантической расчлененностью и этнокультурной спецификой.

И в том, и в другом случае концепт, как правило, имеет вербализованную часть, поскольку, не будучи выраженным, он остается неосознанным, размытым. Именно фиксированное языковое выражение позволяет исследовать концепт и определить его место в картине мира, сформировавшейся как в групповом, так и в индивидуальном сознании. Рассматривая метаконцепт **НРАВСТВЕННОСТЬ**, необходимо учитывать специфику обоих подходов, поскольку, являясь сложным образованием, метаконцепт содержит ядерные и периферийные элементы, которые, в свою очередь, тоже имеют полевою структуру и состоят из понятийного, образного и ценностного компонентов.

Цель данной статьи – определить состав и взаимодействие концептов **ДОБРО** и **ЗЛО** в структуре метаконцепта **НРАВСТВЕННОСТЬ**, которые, качественно и количественно отличаясь средствами репрезентации в языке, являются своеобразным «мерилом» нравственности.

Метаконцепт **НРАВСТВЕННОСТЬ** представляет собой условную ментальную единицу, обозначающую своеобразную надстройку, регулирую-

щую и контролирующую составляющие его абстрактные концепты с нравственной семантикой, которые актуализируются и взаимодействуют в каждой определенной ситуации по-разному, имеют конкретное проявление в действительности и вербальную репрезентацию. Греческая приставка *мета-* указывает на внешнюю позицию метаконцепта относительно внутренних концептов, соотношение и функционирование которых он регламентирует. Следует отметить, что набор концептов с нравственной семантикой в структуре метаконцепта может быть самым различным, однако можно говорить о моральных понятиях основных и понятиях, которые лишь в той или иной мере связаны с соблюдением общественных нравственных норм. К первым можно отнести такие понятия, как совесть, стыд, любовь, сострадание, страдание, вина, грех, раскаяние, ментальной репрезентацией которых служат соответствующие концепты. Ко вторым относятся понятия, касающиеся сферы общественного сознания (миролюбие, моральная норма, моральные принципы, смерть, смысл жизни, справедливость), самосознания (вина, достоинство, духовность, самооценка, убеждение, честь), ценностно-нормативных представлений (добродетель, дружба, польза, счастье, ценности), моральных чувств (гордость, гнев, любовь, зависть, негодование, ненависть, ревность, сочувствие, страдание, страх, стыд, тщеславие, честолюбие). Добро и зло как морально-этические категории, в которых выражается нравственная оценка, занимают особое, ведущее место в иерархии моральных ценностей, поскольку именно различие добра и зла является определяющим в нравственном сознании человека. С диалектической точки зрения эти категории, когнитивным ориентиром которых служат соответствующие концепты ДОБРО и ЗЛО, рассматриваются как противоположные сущности, имеющие единую природу. «Сфера морали открывается только в области полноты. По определению мы в области морали только там, где есть форма или полнота. Полнота вины делает нас нравственными. Хотя, казалось бы, вина и есть безнравственность» [3: 89], поэтому только совокупность нравственных концептов, как положительных, так и отрицательных, дает представление о метаконцепте НРАВСТВЕННОСТЬ, основные компоненты которого – концепты ДОБРО и ЗЛО – следует рассматривать как универсальную оппозицию.

Анализ словарных дефиниций позволяет сделать вывод о том, что представленные там одноименные лексемы выражают лишь самую общую часть содержательных признаков. Например, «все положительное, хорошее; противоположное злу» [6: 409], «все дурное, плохое вредное; противоположное добру» [6: 611]. Однако сами понятия добра и зла не представляют собой предельный набор характеристик, поэтому перечень дифференциальных признаков в производных значениях является открытым, соответственно, и концепты ДОБРО и ЗЛО не имеют четких границ.

Подтверждением может служить точка зрения И.С. Шевченко и И.В. Змиевой, которые, рассматривая ДОБРО как понятийную категорию, классификатором которой служит концепт ДОБРО, отмечают радиальное

структурирование данной категории. Суть радиального структурирования сводится к наличию центрального случая, т.е. суперординатной категории, в которой сходятся все когнитивные модели, и периферии, которую представляют субординатные категории. Суперординатная категория ДОБРО представляет собой комплексную модель, состоящую из следующих четырех субординатных моделей.

1. Модель оценивания качеств в области «Духовное»: *некто* оценивает *нечто* как *морально правильное*.
2. Модель оценивания качеств в области «Материальное»: *некто* оценивает *нечто* как обладающее *высоким качеством / соответствующее стандарту*.
3. Модель оценивания приятности качества для субъекта оценки: *некто* оценивает *нечто* как *приятное/доставляющее удовольствие*.
4. Модель оценивания степени качеств: *некто* оценивает *нечто* как обладающее *достаточной степенью качества / количества* [8: 11].

В соответствии с лексикографическими данными, модели имеют определенное наполнение: «Духовное» – обладать моральными качествами; «Материальное» – обладать необходимыми качествами, высоким стандартом; «Приятное» – быть желаемым, приносить удовольствие, вызывать одобрение; «Достаточность» – иметь достаточное качество для чего-либо, быть действительным, пригодным. Названные модели служат основой для четырех субординатных категорий, мотивированных суперординатной категорией ДОБРО: *моральность, качество / высокий стандарт, приятность / удовлетворение, достаточность качества / количества*. Субординатные категории представляют собой периферию относительно ядра – суперординатной категории ДОБРО. В свою очередь, каждая из категорий тоже структурируется схемой «центр–периферия» и имеет расширения. Например, интересующая нас субординатная категория МОРАЛЬНОСТЬ имеет три расширения: *доброта, воспитанность и соответствие моральным принципам*, центральными членами которых являются концепты ДОБРЫЙ, ВОСПИТАННЫЙ и ПРАВЕДНЫЙ [9: 13]. Концепт ДОБРО формирует суперординатную категорию ДОБРО, в которой одна из субординатных категорий – МОРАЛЬНОСТЬ – имеет мотивируемые ею расширения. Авторы этой концепции выделили три расширения, однако, если концепт ДОБРО рассматривать в составе метаконцепта ПРАВОСОВЕСТНОСТЬ, то расширений, структурированных схемой «ядро-периферия», будет значительно больше, и границы их будут нечетко очерчены.

Для вербально выраженного концепта точкой отсчета является центральное значение – основное словарное значение лексической единицы. Возможные связи между центральными и менее центральными субкатегориями, организованные по принципу расширения, могут иметь метафорическое и метонимическое выражение. Если аналогичным образом рассмотреть категорию ЗЛО, то получим такую структуру: ЗЛО как суперор-

динатную категорию, состоящую из следующих четырех субординатных моделей.

1. Модель оценивания качества в области «Духовное»: *некто оценивает нечто как аморальное.*
2. Модель оценивания качества в области «Материальное»: *некто оценивает нечто как не обладающее высоким качеством / не соответствующее стандарту.*
3. Модель оценивания приятности/неприятности качества для субъекта оценки: *некто оценивает нечто как неприятное / не доставляющее удовольствия.*
4. Модель оценивания степени качества: *некто оценивает нечто как не обладающее достаточной степенью качества / количества* [9: 11].

Названные модели служат основой для четырех субординатных категорий, мотивированных суперординатной категорией ЗЛО: аморальность, качество/отсутствие стандарта, неприятность/неудовлетворение, недостаточность качества/количества. Категория АМОРАЛЬНОСТЬ или БЕЗПРАВСТВЕННОСТЬ имеет три расширения: *злость, невоспитанность и несоответствие моральным принципам*, центральными членами которых являются концепты ЗЛОЙ, НЕВОСПИТАННЫЙ, ПОРОЧНЫЙ.

Исходя из полевой структуры концепта, рассматриваемую оппозицию ДОБРО–ЗЛО можно представить в виде двух взаимодействующих, вербально выраженных полей. Ядро концептов составляют основные признаки, репрезентируемые одноименными лексемами, однако они передают только общее значение, представленное в словарных статьях. Периферия представляет собой содержание уже других концептов, в той или иной степени мотивированных концептами ДОБРО и ЗЛО.

Концепт ДОБРО может быть репрезентирован дериватами ключевой лексемы, например: *доброта, добрый, добродетель, добренькое*, а также лексемами-синонимами. В семантическом поле «Добро» представлены следующие лексемы: *благо, благодать, счастье, удача, хороший поступок*. Производные от синонима *благо* тоже репрезентируют концепт ДОБРО: *благодетель, благословение, благодарить, благополучие*. Как было отмечено выше, одна из составных частей концепта ДОБРО представлена концептом МОРАЛЬНОСТЬ, в структуре которого находятся концепты ДОБРОТА, ВОСПИТАННОСТЬ и СООТВЕТСТВИЕ МОРАЛЬНЫМ ПРИНЦИПАМ. На наш взгляд, моральность и есть соответствие моральным принципам.

Рассмотрим структуру и средства репрезентации концепта ДОБРОТА. Согласно словарным дефинициям, ключевая лексема *доброта* – это «*свойство по прилагательному добрый; отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим людям*» [7: 410]. В словаре синонимов представлены следующие синонимические ряды с данным значением: *добрый – расположенный к людям, проникнутый участием к ним, готовый прийти на помощь; добросердечный – не только расположенный,*

но и отзывчивый; сердечный и в особенности душевный подчеркивают теплоту и чуткость, проявляемую к окружающим» [8: 288]. Концепт ДОБРОТА может быть представлен концептом ЛЮБОВЬ, который в моральном аспекте рассматривается как любовь к ближнему и имеет свою периферию: концепты СОСТРАДАНИЕ, СОЧУВСТВИЕ, ЖАЛОСТЬ, МИЛОСЕРДИЕ.

Средствами репрезентации концепта ЗЛО могут служить дериваты: *злость, злоба, злодей, злоба, злиться, разозлиться, назло, злобно, злющий*, а также синонимы *худо* и *лихо*. Как отмечают исследователи (А. Вежбицкая, Н. Лаврентьева, А. Шмелев), для русского языкового сознания более характерны категоричные оценки, в связи с чем дериваты-репрезентанты концепта ЗЛО более частотны и разнообразны, например: *зло* (наречие), *злость, злоба, злоехидна, презлой, озлиться, озлобиться, разозлиться, назло, злобно, злющий, озлившись*. Рассмотрим концепт ЗЛОСТЬ как оппозицию концепта ДОБРОТА.

Следует отметить, что концепты ДОБРО–ЗЛО связаны с проявлением чувств и эмоций. Обычно выделяют нравственные, интеллектуальные и эстетические чувства. Нравственные чувства выражают отношения человека к человеку и, если рассматривать шире, – к обществу, при этом смысл возникающих чувств заключается в подчинении поступков требованиям общественной морали. Несомненно, концепты с нравственной семантикой, помимо этической составляющей в качестве ядерного компонента, включают и эмоциональный компонент, относящийся, как правило, к периферии, который, выражает ту или иную степень переживания при нарушении моральных норм. Эмоции свидетельствуют об оценочном отношении человека к миру и связаны непосредственно с аксиологическим фактором в языке. Оценочная составляющая является основной в структуре концепта, рассматриваемого в рамках лингвокультурологии. Как было уже отмечено, положительные эмоциональные состояния представлены в языке значительно беднее, чем отрицательные. Например, Н.Ю. Моспанова, исследуя репрезентацию концептов ДОБРО–ЗЛО в фольклорной языковой картине, отмечает, что общее число морфологических средств-репрезентантов концепта ЗЛО в 1,5 раза больше, чем у концепта ДОБРО, что «еще раз подтверждает мысль о разнообразии проявлений зла, его многоликости, более четкой дифференциации» [4: 61]. В Словаре по этике из 14 понятий, обозначенных как моральные чувства, только 3 имеют положительное проявление (*любовь, сочувствие, стыд*), *страдание* и *страх* можно отнести к амбивалентным эмоциям. Это свидетельствует о том, что эмоциональные проявления негативного характера имеют больше возможных средств языкового выражения.

Семантика конструкций, построенных на предикатах эмоционального состояния «злость», характеризуется выражением возбуждения, раздражения, вызванного недовольством, неудовлетворенностью кем-либо или чем-либо. По мнению Ю.В. Крылова [2], в семантическом поле концепта

ЗЛОСТЬ можно выделить интегральные признаки, к которым относятся отрицательная оценка эмоции, причина появления ее, стремление к причинению вреда, объектные отношения, и дифференциальные признаки, разграничивающие семантику единиц внутри поля, – интенсивность, форму проявления и социальный компонент.

Семантика интенсивности зависит от степени интенсивности, что позволяет обозначить четыре подкласса лексических единиц, выражающих степень интенсивности: 1) *досадовать, раздражаться, роптать*; 2) *сердиться, злиться*; 3) *возмущаться, негодовать, гневаться*; 4) *беситься, свирепеть, приходить в ярость*.

Что касается формы проявления, то обязательное вербализованное выражение эмоционального состояния зависит от уровня когнитивности и сложности переживаемых состояний. Например, часть глаголов, характеризующих психическое состояние лица (*взорваться, возмущаться, глумиться, гневаться, злорадствовать, издеваться, куражиться, негодовать, оцетиниться, раздражаться, язвить*), имеет обязательное языковое выражение. Такие эмоциональные состояния, как *бешенство, буйство, злость, лютость, свирепость, ярость*, могут и не иметь вербального выражения. Однако если эти состояния описываются в тексте, то они должны быть репрезентированы если не прямыми, то косвенными номинациями.

Ю.В. Крылов отмечает, что семантическое поле «Злость» пересекается со смежными семантическими полями, например: *злость и обида, зависть; злость и удовольствие; злость и отвращение, презрение; злость и горе, страдание*. В свою очередь, каждое поле имеет свое ядро и периферию. В первом случае это мотивы *досада, ропот, сетование*; во втором – *издевательство, надругательство, сарказм, насмешка*; в третьем – *агрессия*; в четвертом – *гнев, растерянность, страх*. Таким образом, «языковые и ментальные структуры содержат информацию о взаимодействии и пересекании эмоциональных состояний (эмоции сопровождают, порождают друг друга): на границах семантического поля имеются эмотивные единицы со сложной эмотивной семантикой (*досада, ропот, сарказм, колкость, насмешка*)» [2: 44]. Эмотивный концепт ЗЛОСТЬ соотносится с концептами ОБИДА, РЕВНОСТЬ, ЗАВИСТЬ, ПРЕЗРЕНИЕ, ГОРЕ и т.д. Однако в результате проживания эмоции *злость* возникают предпосылки для осознания этой эмоции как отрицательной, что может привести к состоянию стыда или раскаяния, которые связаны с понятием *добро* и, соответственно, с концептом ДОБРО. Таким образом, концептуальную оппозицию ДОБРО–ЗЛО следует рассматривать в диалектическом единстве как ядро метаконцепта ПРАВСТВЕННОСТЬ, а остальные нравственные концепты – как их периферию. Однако в каждом отдельном случае взаимосвязи и взаимоотношения между концептами будут различными, актуализация каждого из составляющих концептов и их вербальное выражение будут обусловлены ситуацией. Неизменной остается только центральное положение оппози-

ции, выраженной концептами ДОБРО и ЗЛО с нравственной семантикой в структуре метаконцепта.

Под нравственным концептом понимается культурно обусловленное ментальное образование, отчасти объективированное языковыми средствами, включающее в себя образную, понятийную и ценностную составляющие и базирующееся на сознательности как высшей мере нравственно ответственного поведения. Концепт репрезентируется отдельными словами или словосочетаниями, но в то же время он не сводится к слову, поскольку представляет собой совокупность разноуровневых элементов. Содержание концепта складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов. Однако именно слово является средством доступа к единому информационному тезаурусу человека, о чем в свое время писала А.А. Залевская. Она подчеркивала, что «трактовка значения слова как совокупности продуктов широкого набора актов глубинной предикации, включающего констатацию фактов сходства и различий по разным аспектам языковых и энциклопедических знаний, с учетом эмоциональных переживаний индивида и выработанных социумом норм и оценок, объясняет способность слова как производного ряда психических процессов (аффективного, наглядно-действенного и понятийно-логического) и как узла пересечения связей по линии каждого из этих процессов служить средством доступа к единому информационному тезаурусу человека, содействовать выходу говорящего или слушающего человека за пределы непосредственно сообщаемой или воспринимаемой информации» [1: 124].

Если рассматривать метаконцепт НРАВСТВЕННОСТЬ в рамках речевой деятельности индивида, то структура метаконцепта будет представлять собой систему концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания. Тогда слово будет играть роль «своеобразного “якоря”, “крючочка”, “фонарика”, посредством которого на разных уровнях осознанности “вытягивается” или “высвечивается” некоторый фрагмент предшествующего (вербального и невербального) опыта индивида...» [1: 258]. Метаконцепт НРАВСТВЕННОСТЬ – сложное образование с двумя основными концептами ДОБРО и ЗЛО, поскольку нравственность – это нормы морали с точки различения добра и зла. Там, где нарушен запрет делать зло, проявляется совесть. Концепт ДОБРО мотивирует концепт СОВЕСТЬ. К периферии концепта СОВЕСТЬ можно отнести концепты СТЫД, ВИНА, СТРАДАНИЕ. Стыд проявляется там, где есть осознание вины. Данные концепты, в свою очередь, могут иметь следующие расширения: *неловкость, неудобство, стыдливость, прегрешение, проступок, мука, боль, скорбь*. Концепт ЛЮБОВЬ в его моральном значении мотивирует концепты СОСТРАДАНИЕ, СОЧУВСТВИЕ, ЖАЛОСТЬ, имеющие расширения: *милосердие, участие, гуманность, отзывчивость, сожаление, благожелательность*. Концепт ЗЛО связан с концептом ГРЕХ, который будет центральным по отношению к концептам, связанным с моральными чувствами: *гнев, гордость, зависть, негодование, ненависть, ревность, са-*

молюбие, тщеславие, честолюбие, с моральными качествами: вероломство, коварство, лицемерие, предательство, ханжество.

Как отметил В.С. Соловьев, «несмотря на все разнообразие степеней духовного развития в прошедшем и настоящем человечества, несмотря на все индивидуальные отклонения, ... существует неразложимая основа общечеловеческой нравственности и на ней должно утверждаться всякое значительное построение в области этики» [б: 119]. Однако «действительная нравственность есть должное взаимодействие между единичным лицом и его данною средою» [Ор. cit.: 65]. И в этом случае метаконцепт следует рассматривать не как систему конструкторов и правил их комбинирования, а как систему концептов, связанных с индивидом и его концептуальной картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А.А. Психологические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Крылов Ю.В. Злость // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Том 3. – С.30–45.
3. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М.: Аграф, 2002. – 320 с.
4. Моспанова М.Ю. Добро и зло // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Том 3. – С.50–67.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
6. Соловьев В.С. Соч. в 2 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1990. – 892 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык. 1981. – Т 1. А – Й. 1981. – 698 с.
8. Словарь синонимов русского языка: В 2-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1971. – Т. 1. – 680 с.
9. Шевченко И.С., Змиева И.В. Добро // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2007. – Том 5. – С.4–16.

С.В. Мкртычян

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ УСТНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА (на пути к коммуникативной стилистике)

В настоящее время наука о деловом общении находится в стадии формирования: определяется ее объект, структура, содержание, основные категории, границы. Структурно-системный подход традиционной отечественной стилистики к его изучению, в центре внимания которого находятся языковые факты поверхностных структур высказывания, в рамках новой антропоцентрической научной парадигмы на первый взгляд может показаться в определенной степени архаичным. При этом следует признать, что